

венчающая этот документ и располагаясь отдельно и ниже всех других подписей. Подпись же Мазепы занимает, как утверждает российская исследовательница Т. Таирова-Яковлева, скромное четвертое место, правда, по мнению украинского историка Д.В. Журавлева, Мазепа вообще не ставил своей подписи.

Во всяком случае, судя по всем признакам гетманскую булаву казацкая старшина хотела видеть в руках Кочубея. Однако этот желанный символ власти, к великому разочарованию Кочубея и его товарищей, оказался у Мазепы. Князь Голицын, учитывая весь печальный опыт метаний предыдущих гетманов между Москвой, Польшей и Крымом, хотел видеть надежного союзника, образованного, но небогатого шляхтича, полностью зависимого, как он думал, от его воли. Именно с того дня поселилась в душе ревность Кочубея к "выскочке" Мазепе, и долгие двадцать лет он лелеял надежду "восстановить справедливость" и завладеть гетманской булавой. Что уж и говорить о его жене, сварливой и завистливой Любове Федоровне, которая к тому же принадлежала к весьма влиятельному роду полтавского полковника Федора Жученко. И все эти годы оба важнейших чина Гетманщины, Мазепа и Кочубей, были вынуждены соседствовать, вместе воевать, обороняться и... через силу терпеть друг друга. Не помогло даже родство: одна из дочерей Василий Кочубея – Ганна – вышла замуж за любимого племянника Ивана Мазепы – Ивана Обидовского, в котором, как уже упоминалось, гетман видел наследника Казацкой державы.

В своем доносе Кочубей жаловался: *"Обиды претерпеваю от самого гетмана Мазепы от лета 1691 даже и до днесь"* А вот, что писал сам Мазепа Кочубею в том же 1707 году: *"Через шестнадцать лет прощалось и пробачалось великим и многим вашим смерти годним проступкам"*. Что же произошло в тот памятный обоим 1691 год? Мы уже писали о сложных взаимоотношениях Гетманщины и Запорожской Сечи. Молодой, но крайне энергичный войсковой канцелярист Петр Иваненко, более известный как Петрик, сбежал к запорожцам, подбил часть их пламенными речами, увел в